Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://filosoff.org/ Приятного чтения!

Умберто Эко Нонита.
Эту рукопись нам передал начальник тюремной стражи одного пьемонтского городка. Расплывчатые сведения об оставившим ее в камере таинственном заключенном, переданные нам этим человеком, завеса тумана над судьбой автора, какое-то странное сплошное молчание со стороны тех, кто знал исписавшего эти страницы человека, все это заставило нас удовлетвориться тем, что нам дано было знать, и удовольствоваться этими остатками манускрипта - за вычетом съеденного мышами - на основании чего, мы полагаем, читатель сможет составить себе представление о необычном деле Гумберта Гумберта (но разве не парадоксальным образом оказался таинственный узник Владимир Набоков беженцем в области Ланге и не раскрывает ли нам эта рукопись неведомое обличие многоликого противника морали?) и извлечь из этих страниц содержащийся в них скрытый урок - урок высокой морали под прахом низкой распущенности.
Нонита. Цвет юности моей, тоска ночей. Я никогда не увижу тебя. Нонита. Но-ни-та. Три слога как сотканное из нежности отрицание: Но. Ни. Та. Нонита, да пребудет память о тебе вечно со мной, пока не станет твой образ тьмой, а покоем твоим - гробница.
Мое имя Гумберт Гумберт. Когда произошло все это, я бесшабашно изнурял себя торжествами юности. По словам знавших меня раньше, не тех, чьи очи видят теперь в этой камере иссохшего человека с первыми признаками пророческой растительности, от которой шершавеют щеки; по словам знавших меня тогда людей был я отроком даровитым с налетом меланхолии, которой, полагаю, я обязан южным хромосомам моего калабрийского предка. Девы, коих познал я, вожделели ко мне всем неистовством своего цветущего лона, обращали ко мне всю земную тревогу своих ночей. Я плохо помню юниц, коих познал, мои глаза едва скользили по их щекам, золотящимся против света шелковистым, прозрачным пухом, я пылал тогда совсем иною страстью.
А пылал я, друг мой читатель, со всем безумством моих прилежных годов пылал я страстью к тем, кого ты с рассеянной ленцой назвал бы "старицами". Всей глубинной сумятицей моего молодечества тянулся я к ним, уже отмеченным строгостью неумолимых лет, согбенных фатальным исходом восьми десятков зим, жестоко угнетенных желанным призраком старения. Для описания этих дряхлиц, пренебрегаемых большинством мужчин, удостоенных непристойного безразличия тривиальных приверженцев, usagers, двадцатипятилетних упругих телом обитательниц Фриули, стесненный также и в этом всплесками бурлящего знания, которое всегда подавляет каждый переживаемый мной порыв невинности, я применю, мой читатель, термин, в точности которого у меня нет неуверенности: паркицы [1].

Что сказать вам, осуждающим меня (toi, hypocrite lecteur, mon semblable, mon fr re! тебе, лицемерному читателю, моему подобию, брату моему!) об утренней добыче, которую предлагают топи этого нашего поземного мира в высшей степени лукавому обожателю паркиц! А вы, стремящие свой бег по вечерним садам в тривиальном преследовании едва округлившихся телом отроковиц, что знаете вы о смиренной и вкрадчивой, возбуждающей зуд слежке, которую любителю ветхих дев дозволено вести со скамейки старого сада в душистой тени базилики, на гравийной дорожке пригородного кладбища, на углу богадельни в воскресный час, у дверей ночлежки, в рядах псаломщиков попечительской процессии, на благотворительной лотерее, всегда из закрытого от посторонних взглядов любовного, увы мне, неизбежно целомудренного укрытия, откуда можно вблизи следить за их изрытыми вулканическими складками лицами, за водянистыми, затянутыми катарактой глазницами, за неверным движением иссохших, впавших в изысканный провал беззубого рта губ, иногда прорезанных сверкающим ручейком слюнявого экстаза, за уродливыми узлами рук, едва перебирающих четки, нервно дергающихся в непристойном, провокационном тике!
Друг-читатель, я никогда не смогу передать тебе безутешное томление этих мимолетных жертв пары глаз, их спазматический трепет от намеренных легких прикосновений, от локтевого толчка в трамвайной давке ("Извините, сударыня, не благоволите ли присесть?" О, черт тебя побери, да как осмелился ты перехватить подернутый влагой взгляд признательности и ответное "Благодарю, добрый юноша", ты, который желал бы прямо на месте воплотить в жизнь Бахусову сцену обладания?), от касания икрами колен при почтительном продвижении между рядами стульев в послеполуденном одиночестве периферийного кинотеатра, от полного сдержанной неги пожатия - о, спорадический момент предельно близкого контакта! - костлявой руки старицы, которой я с сокрушенным видом молодого первопроходца помог перейти улицу на

сигнал светофора!
События моих насмешливых годов вели меня к другим еще встречам. Как сказано, выглядел я чертовски хорошо: смуглые щеки и нежное девичье лицо, отмеченное зарождавшейся мужественностью. И не пренебрегал любовью еще не оформившихся девиц, но сносил ее как дань обстоятельствам возраста. Помню, однажды майским вечером перед самым закатом в парке одного гостеприимного имения - это было в провинции Варезе невдалеке от озера с алой при заходящем солнце гладью - лежал я под сенью кущей рядом с незрелой, совершенно веснушчатой шестнадцатилетней девчонкой, охваченной пылом воистину пугающих любовных устремлений. И вот, мой читатель, в тот самый миг, неохотно уступая юнице легко опадающее чудотворное место моей зрелости, я и увидел, почти угадал в окне второго этажа очертания дряхлой, согнувшейся пополам старицы, раскатывающей вдоль ноги бесформенный жгут черного хлопчатого чулка. Мимолетное видение этой расплывшейся жировыми отложениями, изрытой вздутыми венами конечности, ублажаемой немощным движением старческих рук, разминающих чулковую комковатость, явилось мне (о, мои вожделеющие очи!) безжалостным, вызывающим желание фаллическим символом, ласкаемым наиневиннейшим жестом; и так случилось, что в тот же миг, охваченный ставшим от удаленности еще сильнее экстазом, я с хрипом взорвался излиянием биологических составляющих моего благого желания, которые девчушка (несведущий лягушонок, как я тебя ненавидел!) со стоном подобрала как дань своим еще несостоявшимся прелестям.
О, разве могла понять ты, неразумное орудие моей отложенной страсти, что пользуешь пищу с чужого стола? Что глупое тщеславие твоих незрелых годов явилось мне лишь пылким и порочным сообщником? Отбыв с родными на следующий день, ты через неделю прислала мне открытку с подписью: "твоя старая подруга". Угадала ли ты правду, точным эпитетом показав свою прозорливость, или то была жаргонная бравада лицейской студентки в пику эпистолярному филологическому наследию?
О, с каким трепетом стал я всматриваться с того часа в окна каждой ванной комнаты в надежде увидеть лишенный одежд silhouette восьмидесятилетней престарицы! О, сколько вечеров провел я в одиноком вожделении, затаившись за деревом и обратив взор на спроецированный на занавесь профиль чьей-то прародительницы, самым деликатным образом сосредоточившейся на шамкающем потреблении своей пищи! Но какое жестокое разочарование, внезапное и молниеносное (tiens, donc, le salaud! каков мерзавец! обратите внимание) испытывал я при виде фигуры, выходящей из обманной кулисы театра теней и являющей с подоконника свое обнаженное естество пышногрудой танцовщицы с янтарными бедрами андалузской кобылицы!
Так месяцы и годы проводил я в ненасытной иллюзорной охоте за обожаемыми паркицами, устремленный к поиску, который, я знаю, берет неизгладимое в памяти начало с самого момента моего рождения, когда старая беззубая акушерка - результат бесполезных поисков моего отца, который в те ночные часы смог найти только ее, стоявшую одной ногой на краю могилы - извлекла меня из склизкой темницы материнского лона и при свете бытия показала мне свое бессмертное обличье молодой парки.
Я не ищу оправданий для вас, читающих эти записки (la guerre comme la guerre), но хочу хотя бы объяснить, насколько фатальным оказалось стечение обстоятельств, приведшее меня к той победе.

Одна вечеринка, на которой в числе приглашенных был и я, оказалась жалким petting party, сборищем тискающихся парочек, составленных из молодых манекенщиц и еще не половозрелых университетских студентов. Чрезмерная похоть вызывающих красоток, откровенно предлагавших свои груди из расстегнутой в порыве танца блузы, не нравилась мне. Я уже подумывал бежать от этого банального торжища еще нетронутыми межножьями, когда тонкий звук, почти визг (разве можно словами выразить безумную высоту тона и сиплое угасание писка изнуренных голосовых связок, l'allure supr me de ce cri centenaire? этого столетнего крика на крайнем пределе?), трепетный вопль дряхлой старицы нарушил встретившую ее тишину. А в дверном проеме я узрел ее, ее лик далекой парки того предродового шока, ее личину, отмеченную воодушевлением хотливо вьющихся седых прядей; увидел покачивающееся на худых ногах окоченевшее тело, своими острыми углами топырящее ткань заношенного черного платья, безжалостно согнутый в дугу хрупкий абрис костлявого бедра, беззащитно выпирающего под стародавней строгостью почтенного вида юбки.
Хозяйка дома, заурядная девица, с подчеркнуто деланной учтивостью воздела глаза к небу и молвила: "Это моя бабушка".
Здесь заканчивается нетронутая часть рукописи. Как удалось понять из отдельных строк, которые еще можно было разобрать, дальше все происходило так. Через несколько дней Гумберт Гумберт похищает бабушку хозяйки дома и,

усадив ее на раму велосипеда, устремляется с ней в Пьемонт. Сначала он помещает ее в приют для неимущих престарелых, где той же ночью овладевает ею, открыв, между прочим, что для старицы это не первый опыт. На заре следующего дня к стоящему в предрассветном садовом сумраке счастливцу подходит молодчик сомнительной внешности и невозмутимо спрашивает, действительного ли старица приходится Гумберту бабушкой. Обеспокоенный Гумберт съезжает вместе с бабусей из приюта и начинает головокружительную гонку по дорогам Пьемонта. Они посещают Ярмарку вин в Канелли, Праздник трюфелей в Альбе, принимают участие в дефиле масок в Кальянетто, заезжают на распродажу крупного рогатого скота в Ниццу Монферрато, на конкурс "Прекрасная Мельничиха" в Иврею, на соревнования по бегу в мешках по случаю праздника местного святого в Кондоле. В конце этого безумного метания по бесконечности гостеприимно принявшего его края Гумберт замечает, что его велосипед давно и невозмутимо преследует молодой первопроходец в седле мотороллера "Ламбретта", причем делает это совершенно не таясь. В городке Инчиза Скапаччино он отводит Нониту к мозольному оператору, на минуту отлучается купить сигареты, возвращается и видит, что старица оставила его и бежала с похитителем. Несколько месяцев Гумберт проводит в глубоком отчаянии, наконец, находит изменницу, уже постоянную клиентку института красоты, куда ее привел искуситель. На лице мойрицы нет ни единой морщинки, волосы сияют светлой медью, губы как свежий аленький цветок. При виде такого падения Гумберта Гумберта охватывает дикое сожаление и немое отчаяние. Не издав звука, он покупает двустволку и отправляется на поиски злодея. Находит недруга в кемпинге занятым добыванием огня трением одного о другой двух кусков древесины. Стреляет: один, два, три раза, все мимо, пока его не берут под белы руки два служителя в черных беретах и кожаных куртках. После решительного ареста Гумберта Гумберта приговаривают к шести месяцам заключения за незаконное владение оружием и внесезонную охоту.
Примечания.
1 парки (у древних греков - мойры) - Три латинские богини людской судьбы Нона, Децима и Морта. Первая прядет нить жизни, вторая - сматывает ее, третья - обрезает.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://filosoff.org/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://dostoevskiyfyodor.ru/ Приятного чтения!